

Научная статья
УДК 008: 331.102.312

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ГЕНИЙ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Елена Людвиговна Яковлева

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова,
Казань, Россия
mifoigra@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования стала повседневность и ее специфика в бытии гения. В отличие от восприятия среднестатистического человека, видящего в ней рутинность и обыденность, гений чувствителен к повседневному миру и проявляет к нему бодрствующее сознание. Получая от повседневности впечатления и вплетая в них элементы вымышленного, творец рождает особый ракурс видения реальности, где повседневность возвышается до уровня философичной поэтичности.

Ключевые слова: повседневность, гений, поэтизация, творчество, впечатления

Для цитирования: Яковлева Е. Л. Повседневность и гений: проблема взаимоотношений // Цивилизационные перемены в России. 2024. С. 68–74.

Original article

EVERYDAY LIFE AND GENIUS: THE PROBLEM OF RELATIONSHIPS

Elena L. Yakovleva

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia
mifoigra@mail.ru

Abstract. The object of the study was everyday life and its specificity in the being of a genius. Unlike the perception of the average person, who sees it as routine and mundane, a genius is sensitive to the everyday world and shows waking consciousness to it. Receiving impressions from everyday life and weaving elements of the fictional into them, the creator gives rise to a special perspective of reality, where everyday life rises to the level of philosophical poetry.

Keywords: everyday life, genius, poetization, creativity, impressions

For citation: Yakovleva E. L. Everyday life and genius: the problem of relationships // Civilizational changes in Russia. 2024. P. 68–74.

Жизненный мир, бытие-в-мире личности, как отмечали А. Шюц и Э. Гуссерль, связан с повседневностью, где человек получает многообразный опыт и знания в ситуации лицом к лицу. Здесь индивид обживает пространства и осваивает традиции, проявляет свою элементарную рефлексивность и субъективную наивность, обучается и/или осуществляет (не)специализированную деятельность. При этом повседневность представляет собой открытую сферу: часть опыта осваивается и освоена человеком, а часть – дело будущего. Повседневность становится сферой переживания и осмысления собственных привычек и навыков. Стереотипность, повторяемость, ожидаемость и предсказуемость повседневных практик, с одной стороны, делают пространства бытия-в-мире индивида удобными, но, с другой стороны, привносят в жизнь усталость и скуку. При этом повседневные практики присущи и гениям. Но они умудряются в своем опыте и художественных произведениях вывернуть повседневность наизнанку, демонстрируя ее в опозитивированном виде. Рождается закономерный вопрос: каким образом творец трансформирует обыденное в возвышенное? Данная проблема актуализирует исследование повседневности творческой личности.

В статье избран аналитический метод исследования. Он позволяет выявить специфику повседневности гения, благодаря чему художник осуществляет поэтизацию обыденного в художественных творениях.

Начнем с принципиально важных для нас аспектов повседневности, на которые указал А. Шюц. Повседневность есть «мир культуры, ибо с самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [1, с. 130]. В повседневности каждый человек в конкретном топосе и темпоральности реализует свои многочисленные потребности, вступая в общественные отношения и проявляя себя в различных сегментах социального. В повседневности обнаруживаются истоки оптики видения мира, что обусловлено средой проживания индивида, его воспитанием и образованием, уровнем культуры и конфессиональной принадлежностью. Повседневность оказывается площадкой получения личностью разнообразного опыта, активно переживаемого и осмысливаемого через призму субъективности. Понятный и повторяющийся изо дня в день опыт оказывается однообразным, программируемым самим человеком, исходя из жизненных ситуаций. Повседневность выступает в качестве своеобразного кода, хранящего в себе адаптационные к бытию-в-мире практики личности. Здесь происходит объективация субъективного. В своей повседневности индивид руководствуется привычками и усвоенными правилами, что демонстрируется в его эмоциях, чувствах, мышлении, алгоритмах действий и интерпретации происходящего. Повторяемость ежедневных практик позволяет говорить о повседневности как рутинности бытия, что (постепенно)

приводит к неререфлексивности, инерции сознания и алгоритмов действий, отсутствию заинтересованности и вовлеченности. Как справедливо замечает С. Бойм, «в повседневной жизни как будто ничего не происходит, ничего не начинается и ничего не кончается, а все только продолжается – как в лабиринте, который забросил даже Минотавр» [2, с. 10]: это «вечнуплеванное пространство» (М. Бланшо). В своей повседневности человек перестает замечать происходящее вокруг, изменения обстановки и ее деталей, испытывая недовольство и даже раздражение от повторяемого и обычного. Встряской от повседневности выступают досуг и праздники, но и они (особенно в современном обществе потребления) приобретают шаблонность и предсказуемость. Обратим внимание на возникающие в повседневности нестандартные ситуации и события, заставляющие испытывать интеллектуально-психологическое напряжение. Они доставляют индивиду дискомфорт, нарушая логику его привычных действий. Решая неожиданно возникшую проблему, личность руководствуется либо стереотипным действием, либо осваивает новый алгоритм, который при закреплении войдет в ее повседневную практику как апробированный опыт. Перечисленное свидетельствует не только о прозаичности, но и о пластичности повседневного мира, способного изменяться и расширяться под воздействием определенных факторов.

Детализированное изучение повседневности может дать ключ к разгадке механизма функционирования многих экзистенциалов бытия-в-мире личности, одним из которых является творчество. Заметим, под творчеством мы подразумеваем духовную активность, осуществляемую на фоне повседневности и, в том числе, под ее воздействием. Результатом подобной активности становятся уникальные произведения искусства, обладающие эстетической ценностью. Создавать шедевры способны гении. В связи с этим рождается вопрос: почему погруженный в повседневность художник воспринимает ее в отличие от окружающих людей в ином ракурсе, инициирующем появление произведений искусства?

Поиск ответа на вопрос заставляет обратить внимание на повседневность и ближайшее окружение бытия-в-мире гения. К ближнему кругу можно отнести семью, близких людей и взаимодействие с ними в пространстве дома и города (рождения и/или жизнедеятельности). Они влияют на мироощущение творца, его представления о «Я»/окружающем мире, творческие идеи и сам процесс создания нового. Именно в повседневном (ближнем) круге творец осмысливает текучесть (своего) бытия-в-мире, осознает и формирует «Я», выстраивает свой быт, рефлексивирует над происходящим и решает жизненные проблемы, многие из которых в преображенном виде выступают в качестве объектов его творчества. Произведение создается творцом, исходя из его жизненного мира и горизонта: «гений, оказываясь носителем приобретаемых в бытии эмоций, знаний и опыта, воплощает их в своих произведениях» [3, с. 105].

Необходимо подчеркнуть, что художник в своей повседневности демонстрирует *бодрствующее сознание/внимание* (А. Шюц), напряженное отношение к бытию и проявление *неотчужденной духовности* (Г. С. Кнабе), что отличает его от окружающих людей. Творец погружается в повседневность, принимает ее в том виде, какая она есть, и буквально вырастает/вслушивается в нее. Только включенное отношение к бытию-в-мире позволяет (неожиданно) увидеть в обыденном прекрасное, во внешнем – внутреннее, в целом – большое количество (мельчайших) деталей/нюансов, в логичном – алогичное, в реальном – фантастичное/сюрреальное, в обычном – странное, в низком – поучительное, в спокойном – конфликтное и драматичное, в конкретном – символичное (и наоборот). В этом отношении гений оказывается *трансгрессивной личностью*, способной перейти от существующего (*повседневности как она есть*) к (не)возможному (к миру воображаемому, благодаря которому рождается произведение искусства, *поэтизирующее повседневность*). Повседневность одновременно оказывается не только внешней, но и внутренней территорией, благодаря чему гений свободно переходит границы между обыденным и воображаемым (и обратно). «Он способен выходить за границы допустимого» и погружаться «в собственный воображаемый мир, созерцая и развивая воображаемые образы и идеи (*вовлечение-в-себя*), испытывая воодушевление и экстаз (*выход-из-себя*)» [4, с. 129, 131]. Можно заключить, что в повседневность творца встраивается виртуальный, видимый только им мир художественных образов, который он активно трансформирует сначала в сознании и придает воображаемо-развиваемому определенные значения, транслируя впоследствии в произведении искусства. Повседневность творческой личности пересекается в ее сознании с миром искусства и художественных образов, подвергающихся первоначально мысленной пере(об)работке. Сам художник осуществляет перевод воображаемых (на основе повседневной реальности) образов и связанных с ними смыслов на язык философичной поэтичности в шедевре, и дано подобное избанным – только гениальным людям.

Особую роль в поэтизации повседневности играют *впечатления*, связанные с восприятием происходящего и их экзистенциальным переживанием. Творец – натура восприимчивая и впечатлительная, способная переживать повседневность и само-переживать себя-в-бытии. «Для художника переживания жизненных эпизодов оказываются довольно действенными»: «они определяют внутреннюю жизнь творца и способствуют индивидуальному творческому процессу» [3, с. 105]. При этом «во всяком переживании различают акт и содержание переживания: первый – есть деятельность, связанная с возникновением данного переживания; второе – содержание, состав того, что переживается» [5, с. 128]. Чувственно ощущая повседневность, индивид демонстрирует и ситуацию, и свои особенности,

и субъективное отношение к происходящему. В зависимости от специфики повседневного опыта творец способен переживать его с разной силой интенсивности, самостоятельно изменяя собственные эмоционально-окрашенные состояния. Благодаря переживаниям «гений проживает собственную жизнь и события в ней довольно интенсивно, насыщенно и сосредоточенно», испытывая колоссальное напряжение [4, с. 130]. Помимо чувств к процессу переживания гений подключает и сознание, интенсивно рефлексировав над происходящим. Повседневное рождает у художника множество воспоминаний, сравнений, ассоциаций, олицетворений, метафор. В итоге переживания оказываются одновременно и процессом (как влиянием проживаемой повседневности), и содержанием (как отношением к происходящему и наделением смыслом). Творец всегда находится в активном состоянии, хотя его созерцательность со стороны кажется пассивной. Гений впитывает в себя окружающую повседневность и рефлексировывает над ней, пытаясь найти в ней не только «Я», но и истины, ценности и смыслы. В своей повседневности как бытия-в-мире художник улавливает *жизнесмыслы* (Г. С. Кнабе) и импульсы к творчеству.

Открытость повседневности для впечатлений и активность бодрствующего сознания/внимания становятся истоком творческого процесса. Впечатляясь увиденным и переживая его, гений выхватывает из повседневности определенный эпизод (нередко значимый для него) и начинает мысленно работать с ним, достраивая до определенной (художественной) целостности. Реальный момент действительности художник дополняет *вымышленными элементами*, подчиняя определенной идее и доводя до философичной обобщенности. Вымышленное гения связано с его представлениями об идеальном и возвышенном, к чему автор испытывает трепетные чувства. Воображаемые эпизоды/элементы свидетельствуют о мифологизации реальности. Как справедливо замечает С. Бойм, «повседневный опыт общества можно описать посредством коротких повествований, историй, анекдотов, «мифов повседневной жизни», через которые люди осмысливают свое существование» [2, с. 21]. Вымышленное связано с функционированием *воображения*, обладающего тройкой природой: оно выступает «в качестве творческого побуждения, творческой деятельности и самого творения» [4, с. 129].

Жизненные впечатления гений пронесет через свою субъективность, соотнося с миропониманием, чувствами и желаниями: «являемое как объективность предстает в его сознании и затем в творении в качестве являемого как субъективность» [3, с. 110]. Благодаря вымышленным элементам и философичности концепта рождается новая художественно-феноменологическая объективность. Повседневность в произведении искусства возвышается, приобретая художественную ценность: быт возводится в бытие и обогащается судьбоносными/метафизическими смыслами,

имеющими вневременное значение. «Произведение искусства демонстрирует результат функционирования сознания, квинтэссенцию осмысленного/увиденного/услышанного и творчески переработанного им»: повседневность в шедевре, как «логос, извлеченный творцом из бытия (укрытия)», «представляет художественный способ самооткровения жизни, ее сущности и истины» [3, с. 114–115]. В шедевре художественная повседневность предстает как *бытие без изъятия* (А. П. Чудаков): в ней оказываются тесно переплетены между собой абсолютное и относительное, внешнее и внутреннее, эмоциональное и рациональное, сознательное и бессознательное, интуитивное и логическое, реальное и вымышленное (мифологизированное), незатейливое и сложное. Особую роль в этом играет гений как актер и инициатор смыслообразующей интенции о повседневности.

Для творческой личности повседневность обладает мощным стимулом к творчеству, а сам гений оказывается носителем способности переводить обыденное и привычное в художественно-поэтичное. Этому способствуют активное присутствие в бытии-в-мире, заинтересованность окружающим миром, внимательное отношение творца к повседневности, разнообразный опыт, проносимый через призму субъективности, рефлексивность и попытка понять происходящее, обнаруживая в нем смысл. Впечатления от повседневности в сознании творца при участии воображения, эмоций и разума переводятся в субъективную плоскость, рождая *эффект реальности* (Р. Барт), то есть скрытого правдоподобия. Трансгрессивность творца насыщает обыденный опыт художественными чертами. Благодаря этому повседневность в шедевре облагораживается и возвышается до уровня философичной поэтичности.

Список источников

1. Шюц А. Структура повседневного мышления // СоцИс. 1988. № 2. С. 129–137. URL: https://web.archive.org/web/20061010151327/http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/SCHUETZ/r_schuetz1.html (дата обращения: 10.05.2024).
2. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М. : НЛО, 2023. 320 с.
3. Яковлева Е. Л. Экзистенциально-феноменологический подход к пониманию творческого процесса // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 101–119. DOI: 10.34130/2233-1277-2023-3-101
4. Яковлева Е. Л. Экзистенциалы, определяющие судьбу творческой личности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 126–135.
5. Варшава Б., Выготский Л. Психологический словарь. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931. 207 с.

References

1. Schutz A. The structure of everyday thinking // SocIs. 1988. № 2. P. 129–137. URL: https://web.archive.org/web/20061010151327/http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/SCHUETZ/r_schuetz1.html (accessed: 05.10.2024).
2. Boym S. Common places: the mythology of everyday life / S. Boym. M. : UFO, 2023. 320 p.
3. Yakovleva E. L. Existential-phenomenological approach to understanding the creative process // Man. Culture. Education. 2023. № 3. P. 101–119. DOI: 10.34130/2233-1277-2023-3-101
4. Yakovleva E. L. Existentials determining the fate of a creative personality // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy.Sociology.Political science. 2023. № 74. P. 126–135.
5. Warsaw B., Vygotsky L. Psychological dictionary. M. : State Educational and Pedagogical Publishing House, 1931. 207 p.